

*Sofia K. Bairamukova,
PhD, associate professor,
Karachaev-Cherkessk State University*

National and Foreign Origins of the Novel in the Literatures of the North Caucasus: Theoretical Aspects

Key words: *new written literature, folklore, oral literature, literature of the North Caucasus.*

Annotation: *article analyzes the impact on the new written literature of northern Caucasus various sources, folklore, written literature.*

Ни один из исследователей проблем возникновения, становления и развития новописьменных литератур не обошел, пожалуй, вопросов взаимодействия и взаимовлияния фольклора и письменной словесности. Так, к примеру, известный литературовед Л.А. Бекизова справедливо отмечает: «Важное значение для быстрого роста литератур ранее бесписьменных народов имеют собственное национальное наследие, традиции русской литературы, опыт близких по языку, по другим историко-литературным признакам литератур... завоевание мировой литературы» (1, р.7).

Ученый выделяет все источники, обеспечившие становление полнокровного реализма в новописьменных литературах: родной фольклор, традиции русской литературы, опыт близких по типу развития литератур, художественно-эстетические завоевания мировой классики.

Другой, не менее известный критик, Н. Г. Джусойты определяет задачи, стоящие перед исследователями новописьменных литератур: «Выяснить, какие своеобразные черты накладывает на эстетический опыт писателей, представителей молодых литератур, их прямой путь от фольклора к развитому реализму, к реалистическому изображению действительности» (3, р.32).

Прежде всего, роман связан с развитием эпоса. И тот, и другой относятся к одному роду - эпосу. Великий немецкий романист Томас Манн оригинально заметил: «Эпос - примитивный прообраз романа...» Древний эпос и роман опираются на идентичные способы изображения действительности, стремятся к исчерпывающей полноте раскрытия характеров в связи с исторической средой. Но роман нового времени не выводится из древнего эпоса. Более того, роман как бы отвергает древний эпос. Роман - это эпопея частной жизни. Эпос же рассказывает о временах, давно минувших.

В эпосе характеристика героев часто внешняя, ибо в нем главный интерес сосредоточен на событиях, а не на переживаниях персонажей.

Роман обращен к «внутреннему человеку» (Белинский), а в эпосе события - внешние. В эпосе, поэтому, почти нет индивидуализации речи (речь Сосруко, Одиссея

не отличается от речи сказителя), а роман строится на индивидуализации речи персонажей.

Гегель заметил: в романе «снова полностью выступает богатство и многообразие интересов, состояний, характеров, жизненных отношений, широкий фон целостного мира» (2, р.273). Давно и хорошо известно, что эпос в ее классической форме отличается всеобъемлющей широтой и многогранностью охвата бытия и человека определенной исторической эпохи. По мысли Гегеля, у Гомера «подлинный эпос находил слово для всего, что представляет собою нация» (2, р.287). То же самое можно сказать и о «Нартах» северокавказских народов. В «Нартах» отразилась не только древнейшая история общества, но и жизнь, быт, мораль, этика народа.

Центральные герои нартского эпоса – фигуры сильные, величественные. Смысл жизни героев нартского эпоса – это борьба за счастье народа, борьба против темных сил зла и несправедливости. Идея свободы пронизывает всю художественную ткань древнего эпоса. Через нартский эпос к волшебной и бытовой сказке, сказаниям, преданиям пришла и традиция эпического повествования, оказавшей значительное влияние на становление повествовательной формы романа.

Роман, оставаясь жанром эпическим, разрабатывает индивидуальные, «частные» черты человека, историю частной жизни.

В фольклоре центром повествования становится частный, индивидуальный человек. Действительно, если бросить взгляд на фольклор с древнейших его форм к позднейшим его образцам, мы увидим картину постепенного движения от эпоса, в котором изображается все нерасчлененное общество, к волшебной (фантастической) сказке, герой которого воплощает в себе социальную силу феодального общества, к сказаниям, преданиям, анекдотам, в которых на первый план выдвигается индивид, частный человек.

Накопление реалистических элементов - важнейшее звено в развитии всего фольклора.

В бытовой сказке, например, резко и вполне достоверно противопоставлены эксплуататор и эксплуатируемый в их конкретных взаимоотношениях. Сказка отразила даже такую форму классового протеста, как побег, в результате чего появляются своеобразные «беглые люди», составившие впоследствии такое социальное явление, как абречество.

Важным достижением бытовой сказки является и традиция создания женских образов. В бытовых сказках, в отличие от эпоса и волшебной сказки, женщина – рядовая труженица, мать, сестра, жена, которая занята повседневным трудом, обременена заботами о доме, семье и т.д. Замечательно то, что в бытовых сказках женщина умнее, находчивее, терпеливее, преданнее мужчины.

Поэтические образы женщин, созданные в сказочном эпосе, в частности, в новеллистической сказке, несомненно помогли писателям понять, какие черты характера были близки народной нравственности.

В становлении повествовательных форм литературы немаловажную роль сыграли традиции бытовых сказок в сатирической характеристике персонажей.

Сатирическое снижение «образов врагов народа» в первых произведениях письменной литературы, думается, берут начало с фольклорных традиций.

Наибольшее влияние на становление романа и повести оказали устные легенды, предания, историко-героическая песня.

В преданиях, в поэтике которых удерживаются многие типические места и традиционные формулы, повествуется о конкретных лицах и достоверных исторических фактах; в них достаточно точно определены место и время действия (так называемая географическая приуроченность); выражена народная точка зрения на исторические события и лица.

Признанность фольклора «заменить» историю определяет и художественную форму - деловой, информационный (но чрезвычайно динамичный и художественно-добротный) стиль, лишенный всякого «художества», «украшательства»; вымысел, хотя и присутствует, как непрменный атрибут устного народного творчества, сводится к самому необходимому (с точки зрения сказителя, в интересах занимательности сюжета) минимуму.

Важным средством установления доверия к рассказанному является и ссылка на достоверный источник информации. Например, сказитель может констатировать: эту историю рассказал мне тот - то (притом, сказитель обязательно уточнит, кто тот, с чьих слов он передает «историю»). Информатор должен вызывать доверие: он или должен быть участником передаваемых событий или наверняка знать событие из источника, вызывающего доверие.

Истоки реалистической литературы и в анекдотах, традиционно приписываемых Ходже (в тюрской и таджикской традиции - Ходжа Насреддин). Анекдоты Ходжи или анекдоты о нем, как бы продолжают традицию разоблачительства сильных мира сего, наметившейся в бытовой сказке. Ходжа (не имеет значения - вымышленное это лицо или реальное) - личность. И личность свободная. Со своим взглядом на мир, на человеческие деяния, на слабости и пороки людей. Ходжа - судья общества, бесстрашный и колкий. Наблюдательный и язвительный. Мудрый и лукавый. Решительный и честный. Одним словом, он - ярко определенная индивидуальность.

Социальные функции Ходжи и кабардинского мудреца Джабаги одинаковые. Но последний, в силу исторической определенности, конкретнее. Джабаги - реальное лицо. И действует он в реальной обстановке Кабарды. Поэтому в его действиях и высказываниях отразились конкретные факты исторической Кабарды. Он называет действительные фамилии кабардинских князей. Поэтому образ его убедительнее. Если Ходжа судья, то Джабаги - и судья и философ.

Циклы анекдотов Ходжи и афоризмов Джабаги сыграли важнейшую роль в оформлении реалистических традиций устной прозы. В них создан индивидуальный образ героя, активность которого направлена против эксплуататоров и общественных пороков. Это - своеобразные бичеватели сильных мира сего и врачеватели общества и общественных нравов. Анекдоты о Ходже и афоризмы Джабаги - одна из важных частей истоков современного романа.

Еще одно очень важное обстоятельство. Устные рассказы (новеллы) порою складываются в циклы. В них рассказы объединяются вокруг одного персонажа. В

цикле, как правило, рисуется целостный образ персонажа. Образ вырастает «из цепи поступков, жестов, высказываний и приобретает собственную ценность» (4, p.101).

В эпосе, сказке, субъект повествования – коллектив. Из него герой не выпадает, ибо он – выразитель общественных идеалов. В цикле новелл герой обыкновенный смертный, полагающийся только на самого себя. Таким образом, частный человек становится героем новой эпопеи. В. Кожин писал: «В историческом развитии устного народного творчества многих народов можно обнаружить возникновение на определенном этапе явления, родственные книге о Тиле» (4, p.105). Это, действительно так. Так у северокавказцев сложились в цикле о Ходже, Джабаги, Какане (у абазин). «Жизнь Тиля предстает как цепь анекдотов. Но подступно возникает и иной аспект: трагична жизнь человека, если она только цепь анекдотов, если в ней нет ничего прочного и доброго» (4, p.108).

Кажется логичным, что национальные истоки романа надо искать только в прозаических жанрах фольклора. Но это не совсем верно. Роман вобрал в себя многие достижения и народной лирики. В народной лирике произошла плодотворная встреча социальных мотивов с элементами психологической характеристики. Поскольку роман синтезирует и эпос, и драму, и лирику, психологизм песни стал серьезным компонентом, необходимым для оформления новой эпической формы. Лирическая поэзия правдиво отразила жизнь души человека. Недаром же говорится: «Сказка - складка, песня – быль». Реализм песни зиждется на том, что она рассказывает о том, что человек действительно переживает. В ряде песен герой сам рассказывает о себе, о своих мыслях и чувствах.

Значительна роль и сатирических куплетов, подмечающих иронические жизненные ситуации. Типизация сатирических куплетов важна для развития мотивов сатиры и юмора в жанрах письменной литературы.

Таким образом, роман в литературах Северного Кавказа имеет глубокие национальные корни. И корни эти обнаруживают много типологически общего и национально - своеобразного, что затем отразится на образной системе реалистического романа.

Первые романы в большинстве литератур Северного Кавказа появились в первой четверти XX века. Его истоками стали, национальные художественные традиции и опыт русской литературы.

Воздействие русской советской литературы на возникновение и становление романа, в частности, исторического, всеобъемлющее - фактически и сюжет, и композиция, и система образов, и поэтика новописьменного романа конструировались по канонам социалистического реализма - главного художественного метода социалистической культуры.

В советской исторической прозе установилась незыблемая сюжетная схема: жизнь движется к социализму, рождаются люди, усвоившие марксистские идеи, и ведущие народ к новому общественному строю, которого народные массы защищают, не жалея самой жизни.

Нет нужды доказывать, что уроки истории важны для ныне живущих: человек всегда думает о будущем. Еще Гегель утверждал, что «историческое содержание

является нашим лишь в том случае, если оно принадлежит тому народу, к которому мы сами принадлежим, или, если мы вообще можем рассматривать настоящее как следствие тех событий, в цепи которых изображаемые характеры и деяния составляют существенное звено» (2, p.279). Мысль великого философа особенно важна для художников, пишущих на историческую тематику, ибо в ней четко определена диалектическая связь прошлого с сегодняшним днем.

Северокавказский роман возник и развивался под сильнейшим, если не сказать глобальным, влиянием русской беллетристики. И родился он как роман историко-революционный (по установившейся терминологии).

Роман в литературах Северного Кавказа, как во всех новописьменных, развивался по выработанной в русской литературе схеме. Однако, здесь необходимо одно уточнение. Если в русской литературе «схема» под пером ведущих писателей наполнялась дыханием жизни и живыми образами, то в молодых литературах схема оставалась голой схемой с однообразной и повторяющейся поэтикой. Да и система образов, их расстановка и противоборство были схожи во всех национальных литературах. Говоря об общих недостатках схемы, нельзя в то же время огульно отрицать все и вся. Не только в русской, но и в молодых национальных литературах были созданы выдающиеся произведения, в которых достаточно полно отразились быт, материальная культура, этикет и интеллект народа, выведены полнокровные национальные характеры, сложился язык романного повествования. Сюжет первых историко-революционных романов в молодых литературах был незатейлив: горец (по тем или иным причинам) попадал в город, затем оказывается в кружке революционеров, усваивал идеи марксизма, а вернувшись в родной аул, просвещал, а затем организовывал активное участие народа в революции, в гражданской войне, в строительстве социализма. Еще более распространенный сюжет этой схемы: русский революционер, скрываясь от царских властей, скрывается в горном ауле. Он обычно или печник, или сапожник, или фельдшер и т.д. Вот этот подпольщик и приобщает наиболее сознательную часть населения (а сознательной частью, как правило, оказывается аульная беднота) к революционной борьбе. А те, в свою очередь, вносят революционные идеи в народ. Как справедливо сказано в недавно вышедшей книге «редко кто из писателей выходил за орбиту данной схемы, но особенно талантливые, используя ее, раскрывали духовные, нравственные искания своего народа, его психологию, быт, костюм, чтобы хотя бы на этом уровне обозначить национальное своеобразие своего народа» (5, p.13-14).

Собственно исторический роман в молодых литературах до недавнего времени мало чем отличался от историко-революционного, как, впрочем, и в русской советской. В большинстве исторических романов центральный герой - реальное историческое лицо, а не вымышленное. В ряде произведений о далеком историческом времени реальных личностей может и не быть. В таких случаях главные персонажи становятся как бы «слепками» с живших в те или иные исторические периоды. Но во всех случаях в таких повествованиях действовал герой, борющийся с существующим строем, или резко критикующим его, ибо лучше других видит его пороки. Нередко мысли его становятся созвучными с революционными или узнаваемо приближенными к ним.

Как бы то ни было, и в рамках рассмотренной схемы, в русской советской литературе были созданы выдающиеся произведения, не уступающие по своему идейно-эстетическому совершенству классике XIX века. Они и послужили ориентиром для наиболее талантливых прозаиков новописьменных литератур (романы в абхазской литературе «Темыр» и «Женская честь» И.Папаскири, «Последний из ушедших» Б.Шинкубы, «Большой снег» А. Гогуа; в адыгейской – «Тропы из ночи», «Раскаты далекого грома», «Жернова», «Хан Гирей» и «Редед» И.Машбаша, «Воз белого камня», «Баржа», «Бычья кровь» А.Евтыха; в абазинской – «Горсть земли» Б. Тхайцухова, «Золотой крест» и «Волшебная игла» К.Джегутанова; в балкарской – «Горные орлы» Ж.Залиханова, «Новый талисман» Б.Гуртуева, «Красные закаты» А.Теппеева, «Алые травы» З. Толгурова; в карачаевской – «Мелек» Х. Байрамуковой, в кабардинской – «Вершины не спят», «Сломанная подкова», А.Кешокова, «Род Шогемоковых» Х.Теунова; в черкесской – «Когда зовет угод» Г.Братова; в ногайской – «Ногайский дом» С. Капаева и ряд других).

Перечисленные произведения убедительно свидетельствуют о том, что роман в литературах Северного Кавказа стал тем жанром, в котором проявились самые значительные идейно-эстетические завоевания национальной художественной словесности. Это - во-первых. Во - вторых, в романе нашли место концентрированное выражение наиболее фундаментальные духовные ценности народа. В-третьих, роман, как никакой другой жанр литературы, испытывает писателя на профессиональную зрелость.

В силу названных причин детальное изучение поэтики романа в эволюции - своеобразие сюжета и композиции, идеология романного повествование, авторская позиция, изобразительно- выразительные средства, с помощью которых создается образ, язык, стиль становится актуальным.

Не менее актуально предметное исследование путей взаимовлияния и взаимодействия национальных художественно - эстетических традиций и достижений русской литературы на формирование национального романа.

Все это, по нашей мысли, приведет к раскрытию тех факторов, обеспечивших выдвижение романа на ведущие позиции в национальной художественной словесности и закономерность его эволюции и обогащения, появление таких разновидностей жанра, как психологический роман, роман притча, роман - размышление, включающие в свою сюжетно-организационную структуру такие элементы, как поток сознания, далекие, а порой и скрытые ассоциации, эпическое сознание и т.д.

Исторический роман в литературах народов Северного Кавказа, прошел сложный, порой драматический путь развития, в лучших своих образцах, добываясь более объективного и всестороннего изображения прошлого, органического синтеза национального художественного мышления и опыта иноязычных литератур - русской и мировой.

References:

1. *Bekezova LA. From heroic epic to the novel: national traditions and the development of narrative genres Circassian literature. Cherkessk, 1974; 7.*

2. *Hegel, Century Lectures on aesthetics. Op. So 14. M., 1958; 273.*
3. *Jusoiti M. From storyteller to the writer - way far: the Questions of literature. M., 1971. No. 9; 32.*
4. *Kozhinov V. Century novel is the epic of the new time: the Theory of literature. The main problems in historical interpretation. Generations and genres of literature. M., 1964.*
5. *Primakov NA. Genre-stylistic grandeur of modern Circassian novel about the historical past (the poetics of plot). Maykop, 2003.*
6. *Tugov VB. The formation of the historical novel (on the material of the North-Caucasian literatures): Tradition and modernity: a method and genre. Cherkessk, 1986.*

